

УДК 820

Д. Н. Жаткин, Т. А. Яшина

БАЛЛАДА ОЛИВЕРА ГОЛДСМИТА «ЭДВИН И АНЖЕЛИНА» В ТВОРЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ В. А. ЖУКОВСКОГО¹

Аннотация. В статье выявлена специфика творческого осмысления баллады английского писателя О. Голдсмита «Эдвин и Анжелина» («Edwin and Angelina», 1762) выдающимся русским поэтом В. А. Жуковским, опубликовавшим свою интерпретацию этого произведения «Пустынник» в 1812 г. К анализу привлечен широкий контекст восприятия творчества О. Голдсмита в России конца XVIII – начала XIX в., рассматриваются факты обращения к балладе «Эдвин и Анжелина» русских переводчиков Н. И. Стрхова (1786) и П. Политковского (1809), отмечаются обстоятельства биографического и творческого характера, предшествовавшие появлению «Пустынника», а также характеризуется значение переводного произведения В. А. Жуковского для российского культурного сознания 1810–1820-х гг.

Ключевые слова: О. Голдсмит, русско-английские литературные и историко-культурные связи, поэзия, художественный перевод, традиция, межкультурная коммуникация.

Abstract. The article deals with specific features of creative comprehending of the English writer's, Oliver Goldsmith's, ballad «Edwin and Angelina» by the outstanding Russian poet V. A. Zhuckovsky, who published his interpretation «The Hermit» in 1812. The analysis includes a wide comprehensive context of O. Goldsmith's works in Russia in the XVIII the beginning of the XIX century. The authors of the article observe the facts of appealing to the Ballad «Edwin and Angelina» by such Russian translators as N. I. Strahov (1786) and P. Politekovsky (1809), mark the circumstances of biographical and creative character, preceding the creation of «The Hermit» and characterize the significance of Zhyckovsky's interpretation for the Russian cultural consciousness of 1810–1820s.

Key words: O. Goldsmith, Russian-English literary, history and cultural connections, artistic translation, tradition, intercultural communication.

Оливер Голдсмит, английский прозаик, поэт и драматург ирландского происхождения, создавший свои лучшие произведения в 1750–1760-е гг., получил определенную известность в России уже после смерти (1774), в конце XVIII – начале XIX в., когда его имя стало упоминаться в литературной критике, в дневниках и иных записях писателей, принимавших активное участие в пропаганде английского литературного творчества в России, когда наконец появились первые переводы его прозы на русский язык. Сразу оговоримся,

¹ Статья подготовлена по проекту 2010-1.2.2-303-016/7 «Проведение поисковых научно-исследовательских работ по направлению “Филологические науки и искусствоведение” ФЦП “Научные и научно-педагогические кадры инновационной России”» (госконтракт 14.740.11.0572 от 05.10.2010 г.).

что единственный перевод из Голдсмита, опубликованный при жизни писателя в России, – «Китайская повесть», представлявшая собой «письмо XVIII» из книги сатирических очерков «Гражданин мира, или Письма китайского философа» («The Citizen of the World, or Letters from a Chinese Philosopher», 1762), – увидел свет без подписи автора в октябрьском томе «Ежемесячных сочинений» за 1763 г. Имя Голдсмита в России впервые упомянул Г. А. Брайко (редактор издававшегося в 1778–1781 гг. журнала «Санкт-Петербургский вестник»), который в одной из статей, относящейся к 1778 г., рекомендовал переводить «хорошие и полезные романы, сочинения Ричардсона, Филдинга, Голдсмита» [1, с. 319]. В екатерининскую эпоху существенно участились поездки русских дворян в Европу, в том числе и в Лондон, где с произведениями Голдсмита можно было ознакомиться при посещении театра; отчасти это нашло отражение в комедии И. М. Муравьева-Апостола «Ошибки, или Утро вечера мудренее» (1794), представляющей собой переделку голдсмитовской пьесы «Она смиряется, чтобы победить, или Ошибки одной ночи» («She Stoops to Conquer, or the Mistakes of a Night», 1773).

Интерес к творчеству Голдсмита, по справедливому наблюдению Ю. Д. Левина, был также обусловлен утверждением в русской литературе 1780-х гг. сентиментальных настроений, побудивших русских переводчиков к интерпретации «известных романов Ричардсона, Стерна, Голдсмита» [2, с. 31]. С появлением в русской периодике конца XVIII в. переводных статей из английских просветительских журналов происходило стирание границ между английским Просвещением и сентиментализмом, причем «скептицизм Джонсона расчищал место для чувствительности Голдсмита и Стерна» [3, с. 71], происходило приобщение к лучшим произведениям европейского сентиментализма. Интересен факт публикации в журнале «Аврора» за 1806 г. статьи анонимного критика, делавшего вывод о различии направлений в английской литературе и относившего К.-М. Виланда, А.-Р. Лесажа, Л. Стерна, Г. Филдинга, О. Голдсмита, А. Лафонтена к представителям «столь близкого русскому читателю» «нравоописательного направления» [см. подробнее: 4, с. 175]. Именно благодаря появлению новых эстетических принципов, связанных с требованием естественности, правдоподобия в изложении художественного материала, русский читатель на рубеже XVIII–XIX вв. стал все чаще обращаться к творчеству Голдсмита, прежде всего к его романам, в которых была представлена обыденная жизнь людей с ее заботами и печалью: Голдсмита отличало умение показать высокие нравственные достоинства людей незнатных и небогатых, смягчить назидательность и проповедь деятельного добра, свойственные многим современникам, в том числе необычайно популярному С. Ричардсону [5, с. 267].

Полноценное литературно-критическое осмысление наследия Голдсмита связано с гораздо более поздним периодом литературной истории, в частности с деятельностью известного англомана А. В. Дружинина, составившего историко-литературные этюды о Самюэле Джонсоне, Ричарде Шеридане, Лайонеле Краббе, Вальтере Скотте и Уильяме Теккере, подготовившего к изданию серию статей «Галерея замечательнейших романов», в которых, наряду с Голдсмитом, упоминались Сэмюэл Ричардсон, Анна Радклиф, Шарлотта Бронте. Представление о голдсмитовском творчестве формировалось также благодаря переводным статьям известного английского философа и

гуманиста И. Тэна, опубликованным под общим названием «Литература и нравы Англии в XVIII столетии» в 1862 г. в журнале «Время» [6] и характеризовавшим, наряду с романами Д. Дефо, С. Ричардсона, Л. Стерна, и романы Голдсмита [7, с. 229].

Среди ранних русских интерпретаторов произведений Голдсмита в России можно выделить Н. М. Карамзина, разместившего свой перевод очерка из периодических листков «Пчела» («The Bee», 1759) «Как не завидно величие людей!..», повествующего о тщете мирской славы, в третьей книге «Пантеона иностранной словесности» за 1798 г. Из «Писем русского путешественника» известно, что во время своего европейского путешествия Н. М. Карамзин купил себе в Лейпциге «на дорогу» «*Vicar of Wakefield*», а при посещении усыпальницы в Вестминстерском аббатстве переписал текст с памятника Голдсмиту, отметив при этом, что «автор *Векфильдского священника*, *Запустевшей деревни* и *Путешественника* <...> расхвален до крайности» [8, с. 68, 375]. Н. М. Карамзин на страницах издававшегося им «Московского журнала» в 1791 г. поместил заметку о бедности писателей, заимствованную из «The British Mercury»: «Доктор Голдсмит, который в своем Гражданине мира рассказывает разные анекдоты о бедности великих писателей, был сам примечания достойным примером сей бедности» [9, с. 61–62].

К воссозданию популярного в Англии романа «Векфильдский священник», рассказывавшего о жизни преследуемой местным помещиком семьи сельского пастора, обратился Н. И. Страхов, чья интерпретация с немецкого языка, будучи изданной в двух частях изданием Типографической компании Н. И. Новикова в 1786 г. [10], сопровождалась многочисленными примечаниями, разъяснявшими русскому читателю реалии чужой страны. Перевод Н. И. Страхова – изложение стихотворных фрагментов «Баллада» («A Ballad»), «Элегия на смерть бешеной собаки» («An Elegy on the Death of a Mad Dog») прозой, несмотря на все его несовершенство, – долгое время оставался единственным. Годы спустя И. И. Введенский, серьезно изучавший английский язык и широко пропагандировавший английскую литературу, предпринял новую попытку интерпретации «Векфильдского священника» [11, с. 106]; перевод, выполненный летом 1845 г. в Саратове, опубликовать не удалось, однако сохранился отзыв самого И. И. Введенского, отмечавшего, что «очаровательный характер самого героя, его жены, дочерей, художественно обрисованные подробности скромной семейной жизни, теплое и нежное чувство, растворенное игривой веселостью, делают книгу до того привлекательною, что читаешь ее с истинным наслаждением» [3, с. 75]. Балладе «Эдвин и Анжелина» («Edwin and Angelina»), созданной первоначально в качестве самостоятельного произведения (1762), а затем в несколько измененном виде включенной в восьмую главу романа «Векфильдский священник» (1765), повезло несколько больше: вслед за прозаическим переводом Н. И. Страхова [12, с. 70–71] (современную републикацию перевода баллады см. в [13, с. 125–127]) в 1809 г. появился первый относительно качественный стихотворный перевод этого произведения на русский язык, осуществленный П. Политковским и напечатанный в ежемесячном журнале А. Е. Измайлова и А. П. Беницкого «Цветник» [14, с. 49–58].

И все же первым русским писателем, чье обращение к Голдсмиту являлось не спонтанным, а систематическим на протяжении более десятка лет, был В. А. Жуковский, близость которого принципам вольного перевода не-

редко приводила к превращению интерпретаций в отражение собственной духовной жизни поэта-переводчика, использование идей из оригинальных произведений различных авторов «для решения собственных поэтических задач» [15, с. 14]. Известное высказывание А. А. Бестужева, говорившего, что «многие переводы Жуковского лучше своих подлинников» [16, с. 46], свидетельствует об отношении современников к уникальному таланту русского интерпретатора, его способности пересоздавать переводные произведения в новой художественной системе, вкладывая в них собственные, самостоятельно выработанные этические и эстетические мотивы, выражая личные эмоции и чувства и тем самым значительно обогащая русскую поэзию. А. Н. Веселовский, анализируя переводное творчество Жуковского, указывал на то, что в его переводах «чужое обращалось в свое» и происходило «вторжение личного элемента в переводные произведения, если они давали повод выразить сходные ощущения, чаяния, надежды» [17, с. 463, 469].

В. А. Жуковский при издании своих переводных стихотворений печатал их, начиная с первого собрания 1815–1816 гг., вперемешку с оригинальными, соблюдая только жанровое деление на «Лирические стихотворения», «Послания», «Баллады» и т.д., не разграничивая также переводных поэтов и переводные литературы: «Шиллер соседствовал с мадам Коттен, Ксавье де Менстр – с Маттисоном, Бюргер – с Голдсмитом и т.д. и все вместе – с Жуковским» [15, с. 17]. Однако все это ничуть не препятствовало ознакомлению русского читателя с «целостным миром европейского романтизма и его проникновением во внутреннюю жизнь человека, с интересом к средневековью, к народным верованиям» [15, с. 15]. Как отмечал В. Г. Белинский, «Жуковский был переводчиком на русский язык не <...> поэтов Германии и Англии <...>», а «романтизма средних веков, воскрешенного в начале XIX века немецкими и английскими поэтами» [18, с. 167]. Создавая русский образ европейского романтизма, Жуковский не мог обойти и жанр баллады, особенно популярный в романтическую эпоху. В своей критической статье, написанной в 1832 г., Н. А. Полевой четко отметил смысловое единство балладных произведений Жуковского: «Самый выбор баллад не показывает ли одного и того же?.. разные вариации из Бюргера, Монкрифа, Голдсмита, Шиллера, все на одну тему – тоску любви, тихую радость, жертву любви, свидание за гробом» [19, № 20, с. 539].

Среди произведений, привлечших внимание Жуковского, была и баллада Голдсмита «Эдвин и Анжелина», сюжет которой восходит к народной балладе «The Gentle Herdsman» («Милый пастух») и, возможно, связан с драматической пасторалью шотландского поэта Аллана Рамзея «Милый пастух»; традиционность сюжета объясняет сходство данного произведения с балладой Томаса Перси «Frair of Orders Gray», вызвавшее спор в английской прессе в июле 1767 г. [20, т. 1, с. 580–581]. Жуковский обратился к балладе Голдсмита в 1812 г., причем дал ей название «Пустынник», во многом исходя из первого стиха английского оригинала – «Turn, gentle hermit of the dale...». Известно, что в библиотеке Жуковского было шесть книг Голдсмита на английском языке [21, с. 166–167, 361], в связи с чем невозможно с достоверностью установить, каким именно оригиналом пользовался русский переводчик при интерпретации «Эдвина и Анжелы». К моменту перевода баллады Жуковский был уже много лет знаком с поэзией Голдсмита: согласно эпистолярным источникам, русский писатель впервые соприкоснулся с наследием англий-

ского предшественника в 1801–1802 гг. [22, с. 408, 409, 417], затем последовал перевод в 1805 г. фрагмента из «Опустевшей деревни» (увидевший свет только в 1902 г. в первом томе собрания сочинений Жуковского под редакцией А. С. Архангельского), наконец, в 1809–1810 гг. имя Голдсмита в качестве одного из источников балладного творчества Жуковского появилось на форзацах двух книг – «Всеобщей истории культуры и литературы новой Европы» И. Г. Эйхгорна и «Опыта риторики» И. С. Рижского [23, с. 81]. Таким образом, обращение Жуковского к переводу баллады Голдсмита было закономерным, обусловленным как его многолетними интересами, так и тенденциями в его творчестве.

В отличие от других произведений английского поэта, имевших несколько политизированный характер, изобличавших недостатки существования простого народа, соотнося национальные обычаи и степень удовлетворенности жизнью в сельской местности, «Эдвин и Анжелина» обладала всеми характерными чертами и свойствами английской баллады. В ней были показаны несколько идеализированные чувства, возникшие между простым юношей и богатой наследницей лорда. Голдсмит живописно рассказывал о двух разбитых влюбленных сердцах и их неожиданном воссоединении лишь только после того, как они отчаянно решились принести в жертву самое дорогое – собственную жизнь: «And where forlorn, despairing hid / I'll lay me down and die; / T'was so for me that Edwin did, / And so for him I will» [24, p. 211] [И там, где сокрыт безнадежный прах бедняги, / Я лягу и умру; / Так бы поступил и Эдвин, / Так поступлю и я]. Автор представлял перед читателем яркие картины лишений, которые герои были готовы терпеть до самой смерти: «For here, forlorn and lost I tread, / With fainting steps and slow; / Where wilds immeasurably spread, / Seem length'ning as I go» [24, p. 212] [Здесь одинокий и потерянный я бреду, / Робкими шагами медленно переступая, / За мной тянутся вслед многочисленные дикие животные, / Чем дальше я ухожу].

Произведение Голдсмита можно отнести к жанру сентиментальной баллады, проникнутой «пасторальным и чувствительным» [25, с. 7] настроением, но вместе с тем синтезировавшей литературную и народную балладные традиции посредством усиления собственно лирического начала, эмоционального описания диалогической речи, включения в текст голоса автора-повествователя [26, с. 99–102]; у русского переводчика с самого начала усилен драматизм развития событий, проведена отчетливая параллель между печальной судьбой главных героев и одиноко растущего растения в пустыне. По наблюдению А. С. Немзера, «Пустынник» Жуковского – «баллада-исповедь» [27, с. 166]; она типологически связана с такими программными стихотворениями Жуковского, созданными в 1809–1814 гг., как послание «К Блудову», «Путешественник», «Пловец», «Теон и Эсхин», а также с балладами «Алина и Альсим», «Эльвина и Эдвин», «Эолова арфа». И. Поплавская называет «Пустынника» балладой «средневеково-западноевропейского типа», характеризующейся «хронотопом пути, трехчастной композицией, включающей моменты встречи, узнавания и соединения возлюбленных, диалог героев, образ дома как конечную цель всякого странствования» [28, с. 279]. Характерные для «Пустынника» дуальные мотивы (разлуки – встречи, тайны – узнавания) были обусловлены влиянием романтической эстетики, проводившим существенную грань между английским подлинником и русским переводом.

Действие баллады сосредоточено на одном трагическом событии – потере любимого человека из-за невозможности главной героини преодолеть классовые различия и раскрыть свои чувства перед тайным обожателем: «Till quite dejected with my scorn, / He left me to my pride; / And sought a solitude forlorn, / In secret, where he died. / But mine the sorrow, mine the fault, / And well my life shall pay; / I'll seek the solitude he sought, / And stretch me where he lay» [24, p. 212] [Находясь под гнетом моего презрения, / Он покинул меня за мою гордость; / Бедняга уединился в горе, / И скрыл место своей смерти] – «Я гордой, хладною казалась; / Но мил он втайне был; / Увы! любя, я восхищалась, / Когда он слезы лил. / Несчастный! он не снес презренья; / В пустыню он помчал / Свою любовь, свои мученья – / И там в слезах увял» [29, с. 24]. Жуковский сохраняет размер и строфу, однако изменяет в четырехстопных стихах мужское окончание на женское, использует в пределах строфы перекрестное чередование мужских и женских рифм [30, с. 58]. Также автор перевода заменяет имя главной героини баллады *Angelina* (*Анжелина*) на *Мальвина*, оставляя неизменным имя ее бедного возлюбленного *Adwin* (*Эдвин*), что, вероятно, можно объяснить отсутствием сложившейся традиции адекватного перевода имен собственных.

В «Пустыннике» Жуковского поэтически описываются все горести и роковые препятствия, стоящие на пути влюбленных, умирающих не физически, но для жизни среди людей, что связано с романтической концепцией бытия; наконец, счастливый конец баллады, являющийся одновременно ее кульминацией, символизирует победу добра и любви вопреки людской ненависти, говорит о воскрешении любви, а значит, и жизненных сил героев: «Turn, Angelina, ever dear, / My charmer, turn to see / Thy own, thy long-lost Edwin here, / Restor'd to love and thee» [24, p. 212] [Повернись, Анжелина, еще больше любимая! / Моя чаровница, повернись ко мне, / Твой надолго потерянный Эдвин здесь, / Восстал из праха любить тебя] – «Друг незабвенный, друг единой! / Опять, навек я твой! / Полна душа моя Мальвиной – / И здесь дышал тобой» [29, с. 25]. В переводном произведении наивысшая сила помогла воссоединиться молодым влюбленным, которых может разлучить только смерть («Забудь о прошлом; нет разлуки; / Сам Бог вещает нам: / Все в жизни, радости и муки, / Отныне пополам. / Ах! будь и самый час кончины / Для двух сердец один: / Да с милой жизнью Мальвины / Угаснет и Эдвин» [29, с. 25]), тогда как в оригинале ничего не говорится о помощи всевышнего, язык более резок, а страсти более отчетливы: «Thus let me hold to my heart, / And ev'ry care resign; / And shall we never, never part, / My life – my all that's mine? / No, never from this hour to part, / We'll live and love so true; / The sigh that rends thy constant heart / Shall break thy Edwin's too» [24, p. 212] [Позволь мне прижать тебя к своему сердцу, / Я приму со смирением каждый твой вздох; / И пусть мы никогда не расстанемся, / Моя жизнь и я в твоих руках. / Никогда, начиная с этой минуты, мы не расстанемся, / Мы будем по-настоящему жить и любить; / И вздох, который будет волновать твое сердце, / Разобьет и сердце Эдвина].

Русский переводчик, идеализируя образ Эдвина, наделяет его качествами покорного отшельника-монаха, нашедшего уединение и покой в пустыне, а использование слов клерикальной тематики «святой анахорет», «келья», «творец», а также словосочетаний с эпитетами «обед непорочный», «безвинная кровь», «желанная обитель», «сладкий покой» приближает произведение

к ментальности русского читателя. Представленные в оригинале Голдсмита жилище и скудное существование странника представляются более мрачными и менее умиротворенными, чему способствует выбор таких синтагм, как «lonely mansion» («одинокое жилище»), «wilderness obscure» («дикая глушь»), «dangerous gloom» («опасный мрак»), «scant portion» («скудная еда»). Однако и Голдсмит идеализирует несчастного жителя пустыни, наделяя его чувством редкого сострадания к ближайшим соседям, а именно диким животным, сохранившимся в нем, несмотря на горе и унижения, которые ему пришлось вынести от людей: «No flocks that range the valley free / To slaughter I condemn: / Taught by that power that pities me, / I learn to pity them» [24, p. 211] [Ни одно из стад, что гуляет по свободным полям, / Я не убил, презирая резню: / Получив наставление от высшей силы, что спасла и пожалела меня, / Я научился жалеть и их].

Несмотря на сохранение образной системы оригинала, многочисленных художественных деталей, например «harmless pair» [безобидная пара] – «мирная чета», «lingering hours» [долгие часы] – «медлительные часы», «modest stranger» [скромный гость] – «робкий гость» и др., интерпретация Жуковского звучит в чем-то мягче, выразительнее оригинала, чему способствуют введенные переводчиком сочетания с эпитетами «блестящий огонек», «резвый кот», «вероломный друг», «хилая беда», «притворный жар», подчеркивающими индивидуальность образов, а также оригинальные перифразы «дружбы лукавый взор», «любовь – надежд моих губитель», «любовь – отравка сладких снов», архаизмы «денница», «брашно», «отверзта», «озлащать», слова высокой поэтической окраски «перси», «дар», «кончина», «приношение» и т.д. Отметим, что Голдсмитом также использовалась устаревшая лексика, в частности ставшие поэтизмами выражения «caroll'd lays of love» [песнь о любви], «to sooth the stranger's woe» [утешить горе странника], «wretch forlorn» [одинокый, бедный странник], устаревшие формы местоимений «thy» [твой], «thee» [ты], «nought» [ничто], наречий «whence» [что], «amongst» [среди], позволившие акцентировать загадочную атмосферу баллады.

Вслед за английским поэтом Жуковский использует множество восклицательных конструкций, благодаря чему усиливается эмоциональность речи главных героев, происходит концентрация на ключевых моментах повествования, в связи с чем не случайно увеличение числа подобных конструкций именно к концу произведения, когда напряженность становится максимальной: «Forbid it, heaven! The hermit cried, / And clasp'd her to his breast: / The wondering fair one turn'd to chide, / T'was Edwin's self that prest» [24, p. 212] [«Простите, небеса!» – крикнул отшельник / И прижал ее к груди: / Удивленная фея обратилась с ревом к нему, / Это был сам Эдвин] – «Мальвина!» – старец восклицает, / И пал к ее ногам... / О чудо! их Эдвин лобзает; / Эдвин пред нею сам» [29, с. 24]. Достижению остроты, нарастанию интонации эмоциональной напряженности также способствуют у Жуковского повторы местоимений и даже целых синтаксических конструкций, например: «Но я виновна; мне страданье; / Мне увядать в слезах; / Мне будь пустыня та изгнанье, / Где скрыт Эдвинов прах» [29, с. 24]. Жуковский, как, впрочем, и Голдсмит, широко использует сравнительные обороты, способствующие передаче не только общего сюжетного действия, но и духа, эмоциональной наполненности всех событий, ср.: «Soft as the dew from heav'n descends» [24, p. 211] [Нежная, как роса, упавшая с небес] – «Как свежая роса денницы»

[29, с. 21]; «Supris'd, he sees new beauties rise, / Swift mantling to the view; / Like colours o'er the morning skies, / As bright, as transient too» [24, p. 211] [Он удивился, как красота встает / Под мантией, достигая его взора; / Как оттенки цветов на утреннем небе, / Такие же яркие и мимолетные] – «Краса сквозь легкий проникает / Стыдливости покров; / Так утро тихое сияет / Сквозь завес облаков» [29, с. 23].

Балладность интерпретации русского переводчика обнаруживается не только в острой сюжетности, лиризме повествования, но и особой речи диалога, так как благодаря прямой речи произведение звучит по-фольклорному легко, естественно, стилистически живо. Благодаря диалогу перед читателем открывается мир субъективных переживаний главных героев романтического повествования, происходит обмен живой информацией, способной приблизить слушателя к реальной разгадке мировосприятия. Уделяя большое внимание именно диалогу, Жуковский при переводе баллады Голдсмита пытается сохранить самобытность речи главных героев, смысл их обращений друг к другу, однако при этом опускает яркие реалии английской жизни – географическое название местности «the Tyne» и титул отца Ангелины «lord»: «My father liv'd beside the Tyne, / A wealthy lord was he; / And all his wealth was mark'd as mine, / He had but only me» [24, p. 211] [Мой отец жил недалеко от Тьюна, / Он был богатый лорд; / Все его богатство предназначалось мне, / Я была его единственной наследницей] – «Отец мой знатностью, славой / И пышностью гремел; / Я дней была его забавой; / Он все во мне имел» [29, с. 23].

О душевном состоянии героев баллады можно узнать также опосредованно через описания состояния природы, погоды, поведения животных, находящихся как бы в одном ритме с человеческим мировосприятием, сочувствующих, сопереживающих Эдвину и Анжелине. Так появляются образы резвого кота и сверчка, готовых, наряду с хозяином ветхого жилища, развеять печаль путника; к тому же «светлый и блестящий огонек» вместе с «плодами и зеленью» помогает позабыть о всех «прискорбных думках»: «And spread his vegetable store, / And gaily press'd and smil'd; / And, skill'd in legendary lore, / The lingering hours beguile. / Around the sympathetic mirth / It's tricks the kitten tries; / The cricket chirrups in the hearth; / The crackling fag got flies» [24, p. 211] [И разложил свой запас овощей, / И радостно улыбнулся; / И занял занятной беседой / Мучительно долгие часы. / Среди сочувственного веселья / Котенок пытался играть; / Сверчок щебетал за очагом; / В очаге трещал огонь] – «Плоды и зелень предлагает / С приправой добрых слов; / Беседой скуку озлащает / Медлительных часов. / Кружится резвый кот пред ними; / В углу кричит сверчок; / Трещит меж листьями сухими / Блестящий огонек» [29, с. 21–22].

Интерпретируя романтическую балладу Голдсмита, Жуковский стремился передать все индивидуальное своеобразие подлинника, однако его поэтический дар, желание прочувствовать, пропустить через себя то, что хотел выразить иноязычный автор, позволили не только раскрыть чувства, эмоции, стилистику переводного произведения, но и собственные переживания интерпретатора, его отношение к событиям и героям. Это было достигнуто посредством замены отдельных слов и их сочетаний, введения эпитетов, сравнений, повторений параллельных конструкций, использования восклицательных предложений, а также особой организации прямой речи героев в стихотворном тексте.

В заключение отметим, что «Пустынник» Жуковского оставил заметный след в культурном сознании российского общества 1810–1820-х гг. В частности, строфа «Роса на розе, цвет душистой / Фиалки полевой / Едва сравниться могут с чистой / Эдвиновой душой» [29, с. 24] могла в числе прочего навеять А. А. Шаховскому образ Фиалкина в пьесе «Урок кокеткам, или Липецкие воды». Известно, что постановка именно этой пьесы стала тем эпизодом литературной полемики, что привел к созданию литературного общества «Арзамас», многие члены которого носили прозвища из «Пустынника»: Дымная Печурка – А. Ф. Воейков, Пустынник – Д. А. Кавелин, Резвый кот – Д. П. Северин [31, с. 28]. Немецкий композитор Л.-В. Маурер, с 1821 г. находившийся в Петербурге, состоя в должности капельмейстера Императорских театров, положил «Пустынника» на музыку, тем самым дав ему возможность прозвучать со сцены. При жизни Жуковского «Пустынник» был опубликован восемь раз; примечательно, что он был процитирован (наряду с переводом элегии Т. Грея) в статье о Жуковском, включенной в первую часть «Российской антологии» Дж. Бауринга, вышедшей вторым изданием в 1823 г. [32, с. 238; 33, с. 267]. Как видим, вольная интерпретация баллады Голдсмита вошла в число тех произведений Жуковского, что составили ему прижизненную славу одного из лучших поэтов-переводчиков романтической эпохи.

Список литературы

1. **Ф.** «Тысяча и один день, персидские сказки...» / Ф. // Санкт-Петербургский вестник. – 1778. – Ч. I (апр.). – С. 319.
2. **Левин, Ю. Д.** Раннее восприятие Джонатана Свифта в России / Ю. Д. Левин // Взаимосвязи русской и зарубежных литератур. – Л. : Наука, 1983. – С. 12–44.
3. **Левин, Ю. Д.** Английская просветительская журналистика в русской литературе XVIII века / Ю. Д. Левин // Эпоха Просвещения. Из истории международных литературных связей. – Л. : Наука, 1967. – С. 3–109.
4. **Заборов, П. Р.** Жермена де Сталь и русская литература первой трети XIX века / П. Р. Заборов // Ранние романтические веяния. Из истории международных связей русской литературы. – Л. : Наука, 1972. – С. 168–221.
5. История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век : в 2 т. / отв. ред. Ю. Д. Левин. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1995. – Т. 1. Проза. – 368 с.
6. **Тэн, И.** Литература и нравы Англии в XVIII столетии / И. Тэн // Время. – 1862. – Т. VII. – Январь. – С. 282–319 ; Февраль. – С. 455–493.
7. **Заборов, П. Р.** Ипполит Тэн в России (Материалы к истории восприятия) / П. Р. Заборов // Эпоха реализма. Из истории международных связей русской литературы. – Л. : Наука, 1982. – С. 227–271.
8. **Карамзин, Н. М.** Письма русского путешественника / Н. М. Карамзин. – Л. : Наука, 1984. – 720 с.
9. <Из «The British Mercury»> // Московский журнал. – 1791. – Ч. 2. – С. 61–62.
10. Вакефильдский священник, история. Аглинское сочинение : в 2 ч. / <Перевод Н. И. Страхова>. – М. : Типографическая компания Н. И. Новикова, 1786. – Ч. 1–2.
11. **Левин, Ю. Д.** Иринарх Введенский и его переводческая деятельность / Ю. Д. Левин // Эпоха реализма. Из истории международных связей русской литературы. – Л. : Наука, 1982. – С. 68–140.
12. Баллады / <Перевод Н. И. Страхова> // Вакефильдский священник, история. Аглинское сочинение. – М. : Типографическая компания Н. И. Новикова, 1786. – Ч. 1. – С. 70–71.

13. **Топоров, В. Н.** Пушкин и Голдсмит в контексте русской Goldsmithian'ы (К постановке вопроса) / В. Н. Топоров // Wiener Slawistischer Almanach. – 1992. – Sonderb. 29. – 222 с.
14. Эдвин и Ангелина. Баллада. Из сочинений Гольдсмита / пер. П. Политковского // Цветник. – 1809. – Ч. 1. – № 1 (янв.). – С. 49–58.
15. **Левин, Ю. Д.** Русские переводчики XIX века и развитие художественного перевода / Ю. Д. Левин ; отв. ред. А. В. Федоров. – Л. : Наука, 1985. – 300 с.
16. **Бестужев, А. А.** Взгляд на старую и новую словесность в России <1822> / А. А. Бестужев // Литературно-критические работы декабристов / сост., вступ. ст. и примечания Л. Г. Фризмана. – М. : Худож. лит., 1978. – С. 37–54.
17. **Веселовский, А. Н.** В. А. Жуковский: Поэзия чувства и «сердечного воображения» / А. Н. Веселовский. – Пг. : Жизнь и знание, 1918. – 550 с.
18. **Белинский, В. Г.** Сочинения Александра Пушкина. Статья вторая / В. Г. Белинский // Белинский В. Г. Полное собрание сочинений : в 13 т. – М. : Изд-во АН СССР, 1955. – Т. 7. – С. 132–222.
19. **Полевой, Н. А.** «Баллады и повести», сочинение В. А. Жуковского / Н. А. Полевой // Московский телеграф. – 1832. – Ч. 47. – № 19. – С. 361–380 ; № 20. – С. 531–548.
20. Зарубежная поэзия в переводах В. А. Жуковского : в 2 т. / сост. А. А. Гугнин. – М. : Радуга, 1985. – Т. 1–2.
21. Библиотека В. А. Жуковского: Описание / сост. В. В. Лобанов. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1981. – 416 с.
22. **Тургенев, А. И.** Письма к В. А. Жуковскому / А. И. Тургенев ; публ., вступ. ст. и примеч. В. Э. Вацура и М. Н. Виролайнен // Жуковский и русская культура. – Л. : Наука, 1987. – С. 350–431.
23. **Янушкевич, А. С.** Этапы и проблемы творческой эволюции В. А. Жуковского / А. С. Янушкевич. – Томск : Изд-во Том. ун-та, 1985. – 285 с.
24. The Poetical Works of Goldsmith. – L. : C. Ricks, 1969. – 512 p.
25. О ходе словесности в Англии с начала XIX века и ее влияния на другие словесности // Библиотека для чтения. – 1834. – Т. 4. – Июнь. – Ч. 1. – Отд. II. – С. 1–18.
26. **Алилова, Д. Г.** Традиции народной поэзии (баллады) в творчестве О. Гольдсмита / Д. Г. Алилова // Вестник Ленинградского университета. Сер. 2. История, языкознание, литературоведение. – 1991. – № 2. – С. 99–102.
27. **Немзер, А. С.** «Сии чудесные виденья...» / А. С. Немзер // Свой подвиг свершив: О судьбе произведений Г. Р. Державина, В. А. Жуковского, К. Н. Батюшкова / А. Л. Зорин, А. С. Немзер, Н. Н. Зубков. – М. : Книга, 1987. – С. 155–230.
28. **Поплавская, И.** <Комментарии к балладе «Пустынник»> / И. Поплавская // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. – М. : Языки славянских культур, 2008. – Т. 3. – С. 277–280.
29. **Жуковский, В. А.** Пустынник / В. А. Жуковский // Жуковский В. А. Полное собрание сочинений и писем : в 20 т. – М. : Языки славянских культур, 2008. – Т. 3. – С. 20–25.
30. **Эткинд, Е. Г.** Русские поэты-переводчики от Тредиаковского до Пушкина / Е. Г. Эткинд. – Л. : Наука, 1973. – 248 с.
31. Список членов «Арзамаса» // «Арзамас» : сб. : в 2 кн. / сост., подгот. текста и коммент. В. Э. Вацура, А. А. Ильина-Томича, Л. Н. Киселевой [и др.]. – М. : Худож. лит., 1994. – Кн. 1. – С. 28.
32. **Алексеев, М. П.** Русско-английские литературные связи (XVIII век – первая половина XIX века) / М. П. Алексеев. – М. : Наука, 1982. – 864 с.
33. **Кулешов, В. И.** Литературные связи России и Западной Европы в XIX веке (Первая половина) / В. И. Кулешов. – М. : Изд-во Московского ун-та, 1965. – 461 с.

Жаткин Дмитрий Николаевич

доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой перевода и переводоведения, Пензенская государственная технологическая академия, академик Международной академии наук педагогического образования, член Союза писателей России, член Союза журналистов России

E-mail: ivb40@yandex.ru

Zhatkin Dmitry Nikolaevich

Doctor of philological sciences, professor, head of sub-department of interpretation and translation science, Penza State Technological Academy, fellow of the International Academy of sciences of pedagogical education, Russian Writers' Union member, Russian Journalists' Union member

Яшина Татьяна Анатольевна

кандидат филологических наук, доцент, кафедра перевода и переводоведения, Пензенская государственная технологическая академия

E-mail: yashina_tanya@mail.ru

Yashina Tatyana Anatolyevna

Candidate of philological sciences, associate professor, sub-department of interpretation and translation science, Penza State Technological Academy

УДК 820

Жаткин, Д. Н.

Баллада Оливера Голдсмита «Эдвин и Анжелина» в творческой интерпретации В. А. Жуковского / Д. Н. Жаткин, Т. А. Яшина // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки. — 2012. — № 2 (22). — С. 73–83.